

<https://web.archive.org/web/20160822175612/http://www.gorod-tlt.ru/article/view/57/>

Заговоренный крейсер «Микоян»

Воспоминания главного боцмана
вспомогательного крейсера «А.Микоян» А.Д.
Гройсмана о переходе вокруг света

Война и мир, №2(33), май 2010

– А еще у нас хранится дневник отца Виталия Гройсмана о кругосветном походе на крейсере «Микоян» во время войны.

– Не может быть!

– Смотри! Передали из клуба юных моряков. – Наталья Ланкова, директор музея Отваги школы № 93, достала потертую тетрадь с эмблемой серпа и молота. «Воспоминания главного боцмана вспомогательного крейсера «А.Микоян» А.Д. Гройсмана о переходе вокруг света» – гласила надпись. Кругосветка во время Второй мировой? Да еще и на ледоходе? Сквозь вражеские тылы?

...Спустя несколько дней разговариваем за чашкой чая с Анатолием Александровичем Гройсманом, родным братом главврача ГКБ №1 Виталия Александровича Гройсмана.

– Это не совсем дневник. Воспоминания отца записала наша матушка Мария Моисеевна специально для моего сына Сережки, который школьником посещал Клуб юных моряков.

– Но здесь такие неженские подробности...

– Дело в том, что эта история была главным событием жизни отца. Все в семье знали подробности. После рейда возле греческого острова Родос отец посидел буквально за одну ночь и до конца жизни страдал серьезным расстройством сна. Мог спать ночью час-два, не больше, да и то после снотворного. Вот так прошла по нему война...

Начало

*Александр Давидович
Гройсман*

...В 1937 году на судостроительном заводе в г. Николаеве был заложен ледокол «А. Микоян». Полная готовность планировалась к декабрю 1941 года, но война внесла коррективы. Чтобы гордость флота не досталась врагу, ледокол переоборудовали во вспомогательный крейсер, и 5 августа он взял курс на Севастополь. Для выхода судна в море не хватало матросов, поэтому военкомат мобилизовал «сдаточную команду» (пусковиков). Среди них оказался и прикомандированный к «Микояну» боцман Александр Гройсман. Крейсер принял боезапас, горючее, продовольствие и в первой половине сентября 1941-го двинулся на Одессу. За шесть суток с него было выпущено 600 артиллерийских снарядов по немецким батареям, высадили десант. По возвращении в Севастополь был сделан еще один рейс в Новороссийск с эвакуированными женщинами и детьми. Наконец 9 ноября крейсер прибыл в грузинский порт Батуми, где и началась подготовка к дальнему походу. Моряки догадались об этом после того, как на борт загрузили свыше 3 000 тонн угля. Все намерения командования по поводу «Микояна» держались в строжайшем секрете. ...Однажды команду сфотографировали, переодели в гражданское и строго предупредили: «Никому с корабля в порту не сходить». В ночь на 25 ноября корабль получил приказ идти на Босфор. Разыгрался ураган, и сопровождавшие «Микоян» миноносец и корабль-лидер вернулись домой. Сурово, мрачно начался путь крейсера в далекие порты советского Дальнего Востока и в ...историю. Путь, полный мистических знаков, совпадений, таинственных спасений. Забегая вперед, отметим: много раз моряки были на краю гибели, но выжили в этом походе все – вся команда из 165 человек.

Летучий голландец

К слову, сценарий похода был срежиссирован военным атташе в Турции капитаном третьего ранга Радионовым. Советское правительство дало указание договориться с нейтральной Турцией, чтобы крейсер пропустили через Босфор. Переговоры шли четыре месяца! Турки наконец согласились, но потребовали полного разоружения – отсюда и фокусы с переодеванием в гражданскую одежду. В Истамбуле конвойный катер учинил строгую проверку, а поднявшийся на борт Радионов сообщил офицерам, что крейсеру предстоит самый сложный проход через Эгейское море в Средиземноморье, через воздушные и морские базы немцев. Сталин дал приказ «Корабль и команду в плен не сдавать, в крайнем случае утопить». «А сейчас поднимитесь на верхнюю палубу и посмотрите – сколько вражеских глаз смотрят на вас (в порту за судном пристально наблюдали дипломаты. – Прим. авт.), все в курсе нашего плана. Мужайтесь!» – произнес дипломат. Успех прорыва зависел исключительно от маневра – главным оружием «микоянцев» были только ножи, топоры и ломы. Трое суток шли в темноте, чтобы у опасного места оказаться ночью. В районе острова Родос к борту подошли три торпедных катера, приказали следовать за ними. «Микоян» невозмутимо двигался прежним курсом. Когда началась торпедная атака, крейсер пошел зигзагами, включив полный ход. Ни одна торпеда не достигла цели. Разъяренный противник обрушил шквал огня мелкокалиберной артиллерии. Один из снарядов угодил в бензобак судового катера, бензин разлился по палубе. Палубная команда под началом боцмана Гройсмана яростно рубила тросы топорами, наконец горящий катер рухнул в море, раздался жуткий взрыв. Прикрывшись заревом, ледокол быстро исчез в ночной темноте. Матросы спешно затыкали пробитые в мелкое решето дымные трубы пробкой, чтобы корабль стал невидимым. Эту-то ночь и запомнил на всю жизнь боцман... Позже рассказывал сыновьям, как капитан Сергеев приказал команде привязаться веревками (чтоб

не было соблазна всплыть и выжить), открыть кингстоны и быть готовыми пойти вместе с кораблем ко дну в любой момент!

Горящая бухта

Через два дня чудом спасенный крейсер прибыл в Бейрут. Никто его не встречал – немцы уже доложили союзникам,

Боцман Гройсман среди сослуживцев

что «Микоян» потоплен. Через Лондон в Москву дали знать: моряки целы, готовы дальше выполнять задачу. Далее крейсер отправился в порт Хайфа, где на судоремонтном заводе можно было залатать пробоины. И здесь моряков ждало еще одно испытание... После шести дней ремонта начальник порта попросил «Микоян» передвинуться, чтобы освободить место прибывающим английским танкерам с нефтью. «Сильно подвинуться мы не могли – все котлы были в ремонте, – вспоминает боцман. – Отклонились в сторону как раз на размер танкера... И вдруг, когда англичане стали входить, произошел взрыв, танкер развалился пополам, облив нас горючим, и пол ко дну». Быстрейшим образом подняли пары, взметнули якоря и буквально ползком вышли из-под огня. В порту стояло много военных, торговых судов, все они сгорели за 48 часов. И только израненному и словно заговоренному «Микояну» удалось выжить в горячей бухте. В городе пошли слухи, что советский корабль подложил союзникам мину. Англичане предъявили претензии за сгоревший танкер и груз. И это после того, как наши моряки, рискуя жизнью, спасли семь человек со злополучного судна!

Как оказалось позже, итальянская авиация сбросила на акваторию Хайфы 28 мин. Тральщики достали 27, а под танкером оказалась злополучная 28-я! «У «Микояна» была осадка 9 метров, и когда мы втягивали корабль, она всплыла и сработала на входе танкера», – вспоминал боцман Гройсман. У его сына Анатолия другая версия: «К 25-летию похода появилась заметка в журнале «Морской флот». Я связался с редакцией, и автор сообщил ранее секретную информацию – мину подложил специально для «Микояна» немецкий водолаз... Немцам сильно попало за досрочное потопление советского судна, они всеми силами стремились уничтожить его, заодно поссорив с союзниками». Так крейсер стал дважды спасенным.

Мореходная книжка

Фрагмент мореходной книжки

Морская книжка, точнее, ее копия, хранящаяся в семье Гройсманов, это паспорт моряка. Там указаны все порты, в которые заходил «Микоян». Их более сорока, можно по ней географию изучать. Крейсер прошел через Суэцкий канал, обогнул Африку и направился к берегам Южной Америки. В Порт-Саиде на борт поднялся английский адмирал, чтобы приветствовать отважную команду, выжившую после Родоса и Хайфы. В южноафриканском Дурбине ледокол простоял почти три недели... Боцман Гройсман зашел к портному: «Мистер, говорят, вы шьете отличные костюмы?»

«Так вы русский с «Микояна»? – уточнил портной. – Для вас, сэр, я сошью костюм за два дня». «В этом отличном костюме из бостона свой выпускной вечер провели Виталий и я. Нам все одноклассники завидовали! – вспоминает Анатолий Александрович. – Позже довелось побывать в командировке в Дурбине. Искали лавку с фамилией местного кутюрье, но так и не нашли».

Плавание по Тихому океану проходило в сложной метеорологической обстановке, между пунктами Кейптаун – Монтевидео волнение не опускалось ниже шести баллов. Пройдя южно- и североамериканский континенты, легендарный крейсер через Аляску попал на Дальний Восток СССР и оказался уже в той среде, для которой был предназначен, – преодолевал льды северных морей.

Закончился поход в Северодвинске 23 февраля 1943 года на том же 40-м меридиане, где и начался. Было пройдено почти 25 000 морских миль. Боцман Гройсман до конца войны был приписан к Северному флоту, служил на миноносцах, а жена Мария со старшим сыном Виталием, находясь в эвакуации в Бузулуке, так ничего и не знали о его судьбе до мая 45-го. Считали пропавшим без вести.

Отцы и дети

Домой в Николаев Александр Гройсман вернулся в мичманском звании и с боевыми наградами – двумя орденами

*Александр Гройсман
с сыном Виталием и женой Марией (1944 г.)*

Красной Звезды, медалями за оборону Одессы, Севастополя, советского Заполярья и другими. Но более всего гордился жетоном «За дальний поход». До 1949 служил на Черноморском флоте, был несправедливо уволен во время политической кампании и очень переживал расставание с военной службой. Вплоть до пенсии работал на родном судостроительном заводе.

Виталий поступил в военно-морское медицинское училище, затем получил высшее образование и стал известным врачом, тренером, почетным жителем Тольятти, депутатом. Родившийся после войны Анатолий, окончив судостроительный техникум, 4 года отслужил на флоте. А позже перебрался в сухопутный Тольятти, женился, родил троих детей. Во время школьных каникул старший сын Сергей на все лето уезжал к деду и бабушке в Николаев, слушал рассказы старого боцмана, пропадал на рейде и в морском музее. Детские мечты привели его в Новороссийскую мореходку, после которой он 6 лет ходил в заграничные плаванья на торговых судах. Сейчас живет и работает в Тольятти, как и почти все представители этой известной семьи.

Крейсер «Микоян» в семье Гройсманов – талисман удачи и символ провидения, счастливой судьбы.

И вот ведь какая штука – эти совпадения! Завершил свой трудный рейс корабль-легенда в советском арктическом порту Провидение, оставив за кормой четыре океана и семь морей...

Виталий Александрович Гройсман об отце...

– Во время войны я находился с мамой в Бузулуке, куда эвакуировали всех работников и членов их семей с Николаевского судоремонтного завода. С начала войны о судьбе отца ничего не знали. В декабре 1943 года, после возвращения из кругосветки, отец сам отыскал нас, а первая встреча произошла в 1944 году. Мне было тогда 5 лет, и я хорошо помню, как мы оживленно, радостно собирались в Архангельск к месту службы отца на Северный флот. В Николаев же, на Украину, вернулись в 45-м – это большое счастье, что вся семья после войны сохранилась!

Начиналась новая жизнь... Еще одно из детских впечатлений связано с трагической сценой казни трех плененных немецких генералов в июне 1945 года. Народная ненависть буквально заполонила всю площадь с людьми.

...О переходе отец говорил мало. Думаю, что он боялся спугнуть судьбу и долго не решался поведать о сокровенном – о том, как ему удалось выжить в Босфоре, когда его и двух военных, снятых с якобы гражданского корабля «Микоян», в течение 11 дней пытали, продержав в воде, офицеры итальянской разведки. Старпом, кажется, не выдержал, умер. С членами экипажа ледокола отец встречался каждый год 9 Мая. Не раз повторял, что их капитан был незаурядный, гениальный руководитель. Только от его личного волевого решения зависело – быть ли «Микояну» в составе флота или погибнуть вместе с людьми. Думаю, капитан Сергеев был из породы людей, верующих в Бога или судьбу. Во время тяжелейшего прохода сквозь рифы вдоль берегов Южной Америки к борту прибился дельфин. Карты не было. Сергеев приказал включить музыку, и дельфин под нее, как бравый лоцман, провел моряков по безопасным местам. В 1955 году из «микоянцев» в живых оставалось 15 человек...

Отец был тоже для меня человеком недюжинной природы и таланта. Имея лишь начальное образование, он стал мичманом флота, получил во время боевых действий высшие награды. Чудом уцелел во время репрессий, стал отличным специалистом-корабельщиком, не раз решающим сложнейшие инженерные задачи. При монтаже огромного зеркала на научное судно, когда ни один кран не справлялся, отец предложил простой и единственно верный ход с поднятием дока. Его вызывали даже на Дальний Восток, чтобы освободить корабль, севший на мель.

Ну а звучит ли во мне эта самая гройсмановская порода? Думаю, да. Дела моей жизни – тому подтверждение.